

Новая пьеса М. Горькаго

(Сборникъ товарищества „Знаіе“. Книга 22-я).

Хотя въ послѣднее время популярностъ М. Горькаго, какъ писателя, нѣсколько ослабѣла, но выходъ въ свѣтъ его новаго произведенія, во всякомъ случаѣ, составляетъ нѣкоторое событіе. Такимъ произведеніемъ является пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ: „Послѣдніе“, помѣщенная въ тольк, что вышедшемъ сборникѣ товарищества „Знаіе“.

По содержанію своему, эта пьеса представляетъ какъ бы противоположность, антитезу роману „Мать“. Въ послѣднемъ изображалось выступленіе на арену политической жизни новаго общественнаго слоя, новыхъ идей и новыхъ людей. Въ пьесѣ „Послѣдніе“ авторъ имѣетъ въ виду изобразить отживающее строе, идущее подъ уклонъ, но пока живое, а потому жадно цѣпляющееся за уходящую изъ подъ ногъ его почву.

И какъ въ романѣ „Мать“ все сливается въ гармонію, дышетъ ароматомъ зеленой травы, быстро поднимающейся вверхъ, такъ въ „Послѣднихъ“ все расползается, разлагается, производитъ впечатлѣніе желтыхъ осеннихъ листьевъ подъ ногами прохожаго, листьевъ, которые шуршатъ рѣзко и непріятно, напоминая о тлѣніи, объ увяданіи, но которые такимъ толстымъ слоемъ покрыли землю, что, кажется, не скоро исчезнутъ они.

Въ „Послѣднихъ“ авторъ изображаетъ дворянско-чиновничью семью. Прокутившійся дворянинъ Иванъ Коломійцевъ поступилъ въ полицію, сдѣлался полицеймейстеромъ, но затѣмъ долженъ былъ выйти въ отставку вслѣдствіе нападокъ на него въ печати. Онъ совершилъ много дурныхъ, безобразныхъ, даже жестокихъ поступковъ, но, какъ справедливо говорятъ о немъ его жена, это просто „несчастный, слабый человѣкъ“. Душа его являетъ жалкую картину опустошенія, и вся жизнь его сводится къ физическому существованію—къ пьянству, разврату, человѣческое выражается лишь въ его страсти говорить громкія, пустыя фразы. У него остались слова, но нѣтъ содержанія.

Разумѣется, и семья этого человѣка являетъ картину распада. Часть его дѣтей такіе же развратники, какъ и отецъ, а другіе стремятся выйти изъ своей семьи, своего круга, полны презрѣнія къ отцу. Въ семьѣ вѣчная неурядица,—ссоры, содомъ. Впечатлѣніе, получающееся отъ изображенія этой семьи—именно распадъ, гніеніе, и въ немъ задыхаются тѣ (какъ сынъ Петръ), въ которыхъ сохранились остатки живой души. Въ общихъ чертахъ эта картина разложенія удалась автору довольно хорошо, какъ и нѣкоторые отлѣльные персонажи пьесы,—особенно хорошо самъ Иванъ Коломійцевъ.

Къ сожалѣнію, впечатлѣніе портится, тѣмъ, что пьеса представляетъ какое-то мельканіе лицъ,—недостатокъ, вообще свойственный М. Горькому и который особенно усилился въ его послѣднихъ пьесахъ. Въ „Дѣтяхъ солнца“, въ „Варварахъ“ онъ уже сильно замѣтенъ, а въ новой пьесѣ „Послѣдніе“ онъ еще замѣтнѣе. Авторъ стремится изобразить цѣлую среду, цѣлый слой нагроможденіемъ мелькающихъ лицъ, но изображеніе получается неяснымъ, отъ того, что нѣтъ стержня, нѣтъ ни одной яркой фигуры, которая освѣтила бы всѣ подробности, вокругъ которой онѣ группировались бы. Ткой фигурой могъ бы быть Иванъ Коломійцевъ, и яркое, детальное изображеніе его, можетъ быть, больше бы сказало о цѣломъ, чѣмъ всѣ мелькающія фигуры, но авторъ даетъ лишь силуэтъ его, хотя и удачно нарисованный. Нѣкоторые же персонажи пьесы остаются даже совсѣмъ неопредѣленными.

Замѣтимъ, что заглавіе пьесы: „Послѣдніе“ не должно быть понимаемо слишкомъ буквально. Тутъ же въ пьесѣ мы видимъ, что это далеко не „послѣдніе“: за Коломійцевымъ стоитъ его сынъ Александръ, околodочный Ястребовъ, къ тому же разряду принадлежитъ докторъ Лещъ съ женой, а у нихъ, конечно, будутъ дѣти, свои разлагающіяся семьи. И такъ, вѣроятно, затянется на долгое время, и когда уже въ полѣ подымется молодая трава, въ ней еще будутъ шуршать старые, засохшіе листья. „Послѣдніе“ они въ томъ смыслѣ, что это уже не жизнь, которая заключается въ ростѣ, въ развитіи, а разложеніе, которое чѣмъ усиленнѣе идетъ, тѣмъ больше освобождаетъ новую жизнь.

Новая пьеса М. Горькаго, какъ художественное произведеніе, отнюдь не является выдающейся, но свидѣтельствуетъ о чуткости автора къ тому, что интересно, что важно въ данный моментъ, о его неизмѣнномъ умѣнии „попадать въ точку“. И читается она съ интересомъ, какъ написанная живо, и еще съ большимъ интересомъ, можетъ быть, смотрѣлась бы на сценѣ, но сомнительно, чтобы она вскорѣ была поставлена на сценѣ. Сюжетъ, который она затрагиваетъ, слишкомъ животрепещущъ, хотя авторъ, при изображеніи его, старается держаться въ рамкахъ чисто социологическихъ.

Читатель.